

- №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ais.by/story/484>– Дата доступа : 12.01.2014.

3. Сардаров, А. С. *Імкненне да прыгажосці / А. С. Сардаров // Архитектура и строительство.- 2011. -№6. – С. 42- 45*

4. Сардаров, А. С. *Проблемы архитектурной эстетики при реставрации памятников / А. С. Сардаров // Сохранение архитектурно-исторического наследия – основа устойчивого развития городов // Сб. докл. междунар. научн.-практ. конф., Мир, 3-5 ноября 2011г. - 2011. С.24-26.*

5. Сардаров, А. С., Сергачев, С.А., Чернатов, В.М. *Владимир Александрович Чантурия – ученый и педагог / А. С. Сардаров, С.А. Сергачев, В.М. Чернатов // Архитектура и строительство.- 2013. -№5.[Электронный ресурс]. – Ре-*

жим доступа: <http://ais.by/story/1679>– *Дата доступа :* 5.01.2014.

TRADITIONS OF NATIVE ARCHITECTURE (STUDY AT HIGH SCHOOL)

Sardarov Armen., Nitievskaya Elena

Belorussian National Technical University

The article is devoted to one of the main problem of architectural education at high school is a study of native architectural heritage. After the “silence years” of 30-s 50-s in XX century, the process was began at 60-s. The pioneer of it was professor V.A. Chanturia in Byelorussian Polytechnic Institute. After that, many researchers made a lot of science works in this field until now. These traditions and achievements were included to the education process at architectural faculty of BNTU.

Поступила в редакцию 17.02.2014 г.

УДК 711.424 (476)

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ XVI–XVII ВВ.

Сергачев С.А.

доктор архитектуры, заведующий кафедрой «Архитектура жилых и общественных зданий», БНТУ

Исследование градостроительного наследия Беларуси осложнено сохранностью исторических центров городов из-за разрушений во время военных действий, а также в связи с недостаточным количеством сохранившихся графических материалов – генеральных планов, схем, что обычно предоставляет наглядный материал для анализа исторических процессов, выявления композиционных закономерностей и т.д. Вместе с тем, хозяйственные документы – инвентари и описания частновладельческих городов, которые были обычным явлением в Беларуси, содержат немало информации о планировке городов XVI–XVII веков, – о малоизученном периоде истории белорусского градостроительства.

Введение. Современные методики исследований позволяют переходить к использованию скрытой информации исторического источника, представленной в количественной и структурной форме, позволяющей установить степень интенсивности изучаемых явлений и взаимосвязи между ними [1, с. 154]. Источниками по истории архитектуры Беларуси XVI–XVII вв., удобными для применения количественных методов, являются хозяйственные документы (инвентари, ревизии и др.).

Эти документы, которые были предметом исследований исторической науки

(Голубев В.Ф., Грицкевич А.П., Козловский П. Г., Копыцкий З.Ю., Пичета В.И., Чепко В.В. и др.) вначале просто закрепляли права на владение собственностью. После проведения во вт. пол. XVI – перв. пол. XVII вв. “волочной померы” (“Уставы на волоки”) основной стала форма описи с выделением “*дымов*” (дворов). Уставу начали реализовывать в 1547 г. во владениях королевы Боны, в том числе в Пинском и Клецком княжествах. С 1557 г. устава применялась повсеместно. В Гродненской экономии в XVI в. она охватила 90 % поселений, в Восточной Беларуси к ее реализации в XVII в. только приступали. В этих документах указывали количество дворов, размеры земельных участков. Чтобы упростить сбор податей, сведения указывались с привязкой к конкретным территориям (рынок, предместье, улица и т.д.). Рассматривать инвентари как источник по архитектуре поселений пытался Ю. Якимович [2]. Исследования архитектуры городов Беларуси того периода, выполненные Егоровым Ю.А., Квитницкой Е.Д., Слюньковой И.Н., Чантурия В.А., Чантурия Ю.В., Януш А.П. и др., опирались на немногочисленные документы, в которых упоминались названия улиц, площадей, дворов, домов, а также описания отдельных зданий и сооружений.

численные картографические материалы и градостроительное наследие. Но практически не учитывалось, что город – комплекс хозяйства и экономики.

Основная часть. Устава пересматривала землепользование и, как следствие, влияла на застройку городов. Использовали меры длины: шнур = 75 локтей (48,7 м), прут, прэнт = 7,5 локтя (4,87 м), пруттик = 0,75 локтя (48,7 см); и меры площади: волока – 21,36 га (от 30 до 40 моргов), кв. прут = 23,7 м², кв. пруттик = 0,237 м².

В этот же период в архитектуре Беларуси происходила смена стилевого направления, важной становилась художественная выразительность архитектурной среды.

Мотоль (агрогородок Мотоль в Ивановском р-не) известен с 1442 г. Король Сигизмунд I передал его своей жене Боне Сфорца – инициатору реформ.

Осенью 1554 г. город “ново заложен из села”, территория “сохой распахан на усадьбы, огороды, а также волоки” [3, с. 104]. Рыночную площадь, обязательную в городе, формировали с использованием фрагментов прежней деревни. Так, все 5 усадеб “второй части рынка” имели территорию в 2, 3, 3^{1/2}, 4, 4^{1/2} кв. прутов (от 47,4 м² до 106,6 м²), что свидетельствует о длительном периоде их существования. А 11 усадеб “первой части” занимали по 5^{1/2} кв. прута, то есть эта сторона рынка была заложена одновременно с площадью (рис. 1).

Спасская церковь осталась в стороне. Поселение функционально упорядочивали: выделены участки под выгоны, огороды и пашню, проложены новые улицы (“дорога новая Пинская”, “положена ново от млына”, “ново положенная к мосткам”). На ул. Спасская, Опольская, Ясельдская стремление к структурной застройке; выделены подряд одинаковые наделы: 9 участков по 4 кв. прута; 6 – по 3^{1/2}; 3 – по 3. Но существовали и отдельные группы усадеб, к ним сохранялись короткие проезды.

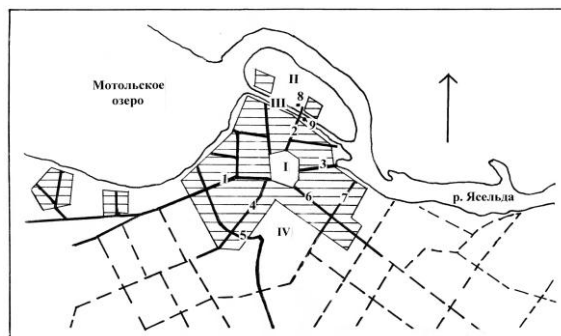

Рис. 1. Реконструкция схемы планировочной организации города Мотоль по инвентарям XVII в. (пунктирными линиями показаны улицы более поздней регулярной застройки):

I – Рыночная площадь; II – Городище; III – Ручей Пылина; IV – Выгон.

1 – Староберестейская ул. (ранее Опольская); 2 – Спасская ул.; 3 – Ясельдская ул.; 4 – Новоберестейская ул.; 5 – Глушецкая ул.; 6 – Пинская ул.; 7 – Минская ул.; 8 – церковь Спаса; 9 – Мельница.

Целенаправленная трансформация деревни в город позволяла достичь экономические цели применением градостроительных средств: регулярность, формирование городского центра, зонирование и т.д.

В 1560-е гг. изменения в планировке, очевидно, продолжались, так как особо отмечалось, что Рынок “оставлен на старом месте”. Некоторые (“древлезаселенные”) усадьбы сохранены на прежних местах, в других местах – “отмежеваны новые” [4, с. 41]. При межевании новых территорий (ул. Пинская, Минская, Новоберестейская) применяли кратность размеров участков – 5: 97 участков по 5 кв. прутов, 3 – по 10, 2 – по 15). Размещение на соседних улицах значительного количества участков одинаковой модульности возможно лишь при регулярной планировке. 5 прутов (24,35 м) была и ширина новых улиц: “улица к выгону – Дедковой луке”.

В 1672 г. Мотоль имел развитую социальную структуру [5, лл. 6–6 об.]. Освобождены были от податей участки “на церковь”, “на войтовство” и 8 участков горожан, живших на особых волоках (“Дубровых”). Фактически это были юрисдикции, которые обычно содей-

ствовали стабильности ранее сложившихся планировок. Озеро и р. Ясельда – также факторы, обеспечившие включение до-реформенных фрагментов Мотоля в новую планировку.

Наличие в центре современного Мотоля коротких узких улочек и переулков, под разными направлениями примыкающих к площади (ул. Набережная, Ленина, переулки Школь-ный, Банный, Охотничий, Рыбацкий), – свидетельство древних планировочных решений. Появившаяся позже регулярная застройка (упорядоченное размещение жилых домов, прямые протяженные улицы, пересечения их под прямым или близкими к нему углами) прослеживается на ул. 17 сентября, Ольги Мироновой, Дзержинского, пер. Ясельда, продолжении ул. Ленина.

Городец (агророгодок Городец в Кобринском р-не) известен с 1287 г. В материалах ревизии 1563 г. город в стадии трансформации. Рыночная площадь имела стороны (“*полати*”) почти с одинаковым числом усадеб, – от 6 до 8 [6, с. 260–261]. Усадьбы каждой “*полати*” получили одинаковые наделы: первая “*полать*” – усадьбы имели по $3\frac{1}{4}$ кв. прута усадебной земли; вторая – по $3\frac{1}{2}$ кв. прута; третья – 3; четвертая – 4. Это позволяет предположить: Рыночная площадь квадратная в плане или близка к этому, как планировочный элемент сформирована недавно.

Прежняя застройка сохранилась на ул. Кобринской: большое разнообразие вариантов размеров участков ($1\frac{1}{4}$, $1\frac{1}{2}$, 2, $2\frac{1}{2}$, $2\frac{3}{4}$, 3, $3\frac{1}{2}$, $3\frac{3}{4}$, 4, $4\frac{1}{4}$, $4\frac{1}{2}$, 5, 6 кв. протов), что свидетельствует об их давнем происхождении, перераспределении, дроблении и т.д. Новая концепция реализована в конце улицы: подряд 12 участков по 4 кв. прута, 9 участков по $4\frac{1}{2}$. На этой улице, “*над Волоком*”, размещался “*Двор короля*”. Возможно, когда-то здесь контролировали передвижение по р. Муховец, теперь – фольварк.

Иная застройка других улиц, использовали разные ряды размещения усадеб на противоположных сторонах. На одной

стороне ул. Пинской усадьбы имели по 5 кв. протов усадебной земли и по 14 на огород, а на противоположной – по $3\frac{1}{2}$ и 3; на ул. Грушевой на одной стороне – по 4 и 10, а на противоположной – по 5 и 10. Но на ул. Пришийфостской по обе стороны одинаково – 4 кв. прута на усадебную землю и 10 на огород. Возможно, этим старались избежать монотонности в протяженных композиционных структурах, какими были ряды жилых домов.

Название ул. Пришийфостской происходило от фамилии человека, жившего на ней. В конце другой улицы – Илльинской жили 5 семей: “*люди пана Семена Пришийфост-ского, который издавна в этом месте (землю) держит и теперь согласно обычаю стародавнему держать имеют*”. Но, несмотря на особый статус мещан и обычаи, которые обычно соблюдали, их земельные наделы были все же перераспределены, возможно, с переселением в другую часть города. Это свидетельство решительных изменений планировки города.

Пружаны известны с 1487 г., до 1589 г. назывались **Добучин**. Город крупнее Городца и Мотоля, получил при перестройке выразительный центр [7, с. 135–136]. На Рыночной площади располагались главные здания города: на второй “*полати*” – Рождественская церковь; Королевский двор полностью формировал третью сторону площади; четвертую занимали сад Королевского двора и костел. Домов торговцев было немного; в первой “*полати*” – 5, во второй, около церкви, – 3. То, что торговцам отведено одинаково усадебной земли – по 5 протов, свидетельствует, что и межевание, и, очевидно, сами строения подчинялись единому замыслу, с композиционной согласованностью художественно-стилевых решений. Создавался ансамбль, так как рядом с Королевским двором не могли стоять случайные строения. Участки одинаковых размеров содействовали упорядоченности. Огородной земли этим усадьбам досталось мало и не поровну, – от 7 до $42\frac{1}{2}$ кв. протов. Но это было не суще-

ственно, внимание уделялось созданию гармонии на площади.

Кобрин по инвентарю 1563 г. – перепланированный город из двух частей (за р. Мухавец находилась “*место Замухавецкое*”). Пляцев – 337, меньше, чем в Добучине, но дохода они приносили больше. Как и в других городах Кобринской экономии, отдельно территория отводилась под огороды, морги, сеножати, волоки. Это позволяло застройку формировать компактно с короткими функциональными связями. В отличие от Добучина, где преобладал размер усадебного участка в 5 кв. протов, здесь застройка плотнее, участки по 3 или 4 кв. прута. За рекой свободнее, там – по 5 и по 5¹/₂ [8, с. 15–18]. Деление всей стороны улицы на одинаковые участки строго соблюдалось. Разнобой в размерах земельных наделов только на отдельных участках ул. Пинской, где жили торговцы. В этом прослеживается последовательность мер по упорядочиванию застройки. Решались одновременно задачи: экономические – увеличение доходов; архитектурные – формирование композиционно организованной, функционально удобной среды проживания.

Зонирование территории позволило вынести за пределы застройки пашню, сенокосы, многие огороды. В **Копыле** в 1642 г. и в **Любче** в 1647 г. бровары, бани и кузницы строили вдали от города. Создавались отдельно “*Гуменные*” улицы – (**Горки, Копыль**) для размещения гумен.

В города стремились привлечь новых жителей, для них основывали поблизости селения с названием “Слобода”; новопоселенцы получали льготы. Некоторые так и остались деревнями (Слободка, около **Шклова** и др.). Но часто из слобод формировались городские предместья. А в **Клецке** в 1626 г. и в **Копыле** в 1642 г. имелись Слободские улицы (в Копыле современная ул. Комсомольская) – свидетельство того, что там слободы уже слились с городом. В первой половине XVII в. в перечне населенных пунктов около **Горок** Казимилова Слобода указывалась

как самостоятельное поселение, имевшее собственную Рыночную площадь, хотя в близко расположенных Горках рынок был.

Горки во вт. пол. XVII в. восстанавливались после войны, что совпало с периодом реализации в Восточной Беларуси уставы. Место рынка осталось прежним [9, лл. 8 об. – 13]. Хотя оно и не было оптимальным, так как главная улица, фактически дорога из Мстиславля на Оршу, оказывалась, как и ранее, в стороне. Но таков был рельеф. “*Кватэры*” (стороны площади) короткие, по 5–6 дымов. Церковь св. Духа находилась в 3-й кватэре и была наиболее значимым сооружением города. В 4-й кватэре, самой близкой к главной улице, стоял “*дом въездной*” – корчма, единственная в 1670 г. в Горках. Усадьбы на площади, характеризовало разнообразие размеров, – свидетельство давности этой застройки.

Главная улица (“*улица до Ориши*”) наиболее заселена: на стороне, где костел св. Ильи – 24 двора, на другой – 20 дворов. Ее продолжение в сторону Мстиславля (“*улица до Гор*”) из-за рельефа короче: 16 дворов с одной стороны и 8 с другой. Имелось несколько коротких улиц: по 2, 3 или 4 двора – из-за рельефа больше дворов там разместиться не могло. Так, на одной стороне ул. Шкловской стояли 10 дворов, а на другой, “*от пруда*”, – всего 2. Многие улицы не имели установившихся названий: “*до плебанини*”, “*до Моргов*”, “*над Ставем Крайним*”, “*от кладбища*”, “*заулок за Копылкой*”, “*улица до озера*”. Появлялись новые жилые образования, с названиями улиц еще не определились.

В 1683 г. город сформировался. Рынок упорядочен, но невелик – 23 участка, здесь же “*шпиталь*”, синагога. В городе почти 20 вариантов размеров участков усадеб [10, лл. 6–19 об.]. Рельеф не позволял межевать одинаково, хотя к этому стремились. На ул. Пробоцкой удалось разместить подряд семь участков по 2,5 кв. прута, на другой ее стороне – 4 таких участка. При выделении участков про-

слеживается использование кратности 2,5. В новой застройке преобладали участки, площадь которых кратна этому размеру: 2,5; 5; 7,5; 10 кв. прутов. В Казимировой Слободе, а она уже стала предместьем, участки больше (7,5 и 15 кв. прутов), при той же кратности. Это свидетельствует о приведении застройки в систему, соответствующую прогрессивным представлениям о среде проживания. Горки развивались с внедрением основ регулярной застройки. Город увеличивался в основном за счет предместий, которые расширялись в сторону города, что и привело к утрате Казимировской Слободой статуса отдельного поселения.

Дубровно, расположенное недалеко от Горок, также восстанавливалось [11, лл. 1–10]. Но восстановление (данные 1672 г.) шло путем воссоздания прежней планировочной структуры: на прежнем месте оставался Рынок, сохранивший прямую связь с перевозом через Днепр; на въездах в город стояли обычные для средневековья браны (*“Брама Росасинская”* – в конце ул. Росасинской, которая шла в направлении деревни Росасно; сохранялись валы, острог – часть оборонных сооружений города; замчище (*“Замок”*) как элемент структуры учитывалось, хотя и потеряло фортификационную значимость и на нем уже жили мещане; восстанавливались оба предместья – Задубровенское и Заднепровское (имело свой рынок). Много наделов были незаселенными. Казалось бы, предоставляется возможность реализовать новые планировочные решения, которые уже известны. Но, судя по размерам участков, восстановление застройки шло путем воссоздания прежних границ земельных наделов. Вариантов размеров усадебных участков множество, не было рядом двух одинаковых. Измерения производили с точностью до $\frac{1}{4}$ кв. прутика ($0,059 \text{ м}^2$). Самый маленький пляц – 1 кв. прут и 5 кв. прутиков ($24,9 \text{ м}^2$), самый крупный – 21 кв. прут ($497,7 \text{ м}^2$). Очевидно, ставилась задача получить доход,

как можно скорее восстановив город, не отвлекаясь на совершенствование среды.

Возможно, поэтому планировка Дубровно до сих пор сохранила систему радиально расходящихся от центра основных улиц, обширную четырехстороннюю площадь, не имеющую прямых углов, а также отсутствие регулярности в уличных перекрестках.

Копыль в XVII в. продолжал осваивать новую территорию после переноса городской жизни из прилегающей к замку низины на возвышенное место. В новой застройке ощутимо стремление к регулярности, хотя центр, – Рыночная площадь, будучи еще ранее застроена наиболее важными зданиями города, так и не получила завершенной регулярности (рис. 2).

Порядок в застройке прелусматривал даже бочку с водой, которая должна была стоять около каждого дома. Каждый хозяин должен был иметь лестницу и багор. Таких мер требовали плотность застройки и строительные материалы – деревянные конструкции стен, соломенные и гонтовые крыши.

Упорядочение не ограничивались только противопожарными мерами. На Рынке дома снаружи и их жилые помещения внутри должны были быть *“хорошо вы-белены”* (1642 г.). А это уже забота о жилой среде через улучшение санитарно-гигиенических условий и внимание к эстетическому виду городской застройки – выделение композиционного центра города, привлекательность зданий, которые его формируют, и стремление к художественным образам более высокого уровня [12, с. 184].

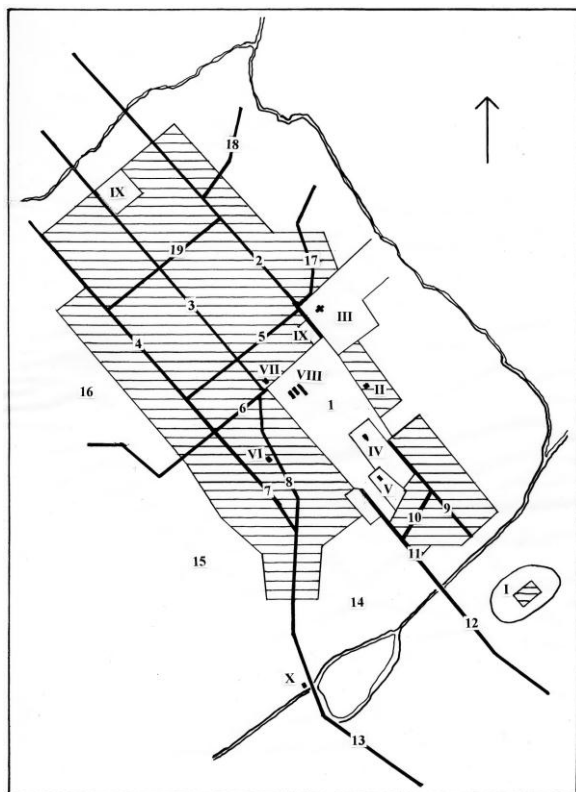

Рис. 2. Реконструкция схемы планировочной организации города Копыля по инвентарям XVII в.:

I – Замок; II – Судовый дом; III – “Церковный Пляц”; IV – “Костельный пляц”; V – “Зборовый пляц”; VI – Синагога; VII – Заезжая корчма с “важницей”; VIII – Торговые ряды; IX – “Шпиталя”; X – Мельница.

1 – Рыночная площадь; 2 – Песочная ул.; 3 – Ходьковская ул.; 4 – Слободская ул.; 5 – Крыжовая ул., потом – переулок; 6 – Несвижская ул.; 7 – Дубницкая ул.; 8 – переулок Дубницкой ул.; 9 – Логовая ул.; 10 – ул. Подзамче; 11 – Слуцкая ул. (с XVIII в.); 12 – Слуцкая дорога; 13 – Тимковичский “гостинец”; 14 – территория будущей Броварной ул.; 15 – территория улицы от Дубницких ворот, Завальной и Затыльной ул., потом ул. Задний Ров; 16 – территория будущей Гуменной ул.; 17 – переулок Песочной ул.; 18 – переулок к Речке; 19 – переулок.

Заключение:

1. Применение количественных методов изучения хозяйственных документов Беларуси XVI–XVII вв. открывает новые возможности исследования истории развития архитектуры периодов, по которым сохранилось мало графических материалов, а сохранившиеся градостроительные образования во многом утратили аутентичность.

2. Особую ценность для Беларуси имеют планировочные решения ряда населенных пунктов Полесья (Мотоль, Городец, Пружаны и др.), так как именно в них за 10 лет до официального применения с 1557 г. “Уставы на волоки” были реализованы передовые для XVI в. идеи, которые прослеживаются в современной застройке этих населенных пунктов, обеспечивая их своеобразие.

3. Мещан, проживавших в центральной части городов, “Устава на волоки” затронула в меньшей степени. Поэтому в центре города границы земельных наделов и трассировки улиц порой сохранялись, что предоставляет возможность делать предметом исследования и более ранние, чем относящиеся к XVI в., планировки городов.

Литература:

1. Каун, С.Б. Хозяйственные описания первой половины XVI века в свете методов количественного анализа и информационных технологий / С.Б. Каун // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2 / Рэдкал. : С. М. Ходзін (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2005. – С. 154–163.

2. Якимович, Ю.А. Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII в. Справочное пособие / Ю.А. Якимович. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 368 с.

3. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная Пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг. / Предисл. С. Шолковича / Ч. 1–2. – Вильна : тип. А.Г. Сыркина, 1881–1882. – Ч. 1. – 592 с. – Ч. 2. – 1882. – 607 с.

4. Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по велению короля Сигизмунда Августа в 1561–1566 годах Пинским и Кобринским старостою Лаврином Войною / Ч. 1–2. – Вильна : тип. А.И. Зака, 1874. – Ч. 2. – 599 с.

5. Инвентарь мест. Нобель, Погост, Логшин, Мотоль и прилегающих сел Пинского пов. Брестского воеводства. 1672 г.) // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1928. – Оп. 1. – Д. 176.

6. Сапега, Д. Ревизия Кобринской экономики, составленная в 1563 году королевским ревизором Дмитрием Сапегою, с присовокуплением Актов Браславского земского суда, относящихся к Кобринской архимандрии / Д Сапега. – Вильна : тип. А.Г. Сыркина, 1876. – 387 с.

7. Сапега, Д. Ревизия ...

8. Сапега, Д. Ревизия ...

9. Инвентарь города Горки. 1670 г. // Отдел рукописей библиотеки Вильнюсского университета. – F 4 – A 1791.

10. Инвентарь им. Горы-Горецкие Могилевского пов. Мстиславского воеводства. 1683 г. НИАБ. – Ф. 1928. – Оп. 1. – Д. 71.

11. Инвентарь Дубровенского графства. 1672 г. // НИАБ. – Фонд 3258. – Оп. 1. – Д. 1.

12. Сергачев, С.А. Эволюция пространственной организации Копыля в XVII в. / С.А. Сергачев // Капыль: гісторыя горада і рэгіёна : да 360-годдзя надання Капылю прывілея на магдэбургскае права : зб. навук. артыкулаў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад. : А. А. Скеп'ян, А. А. Доўнар, І. В. Соркіна ; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 172–185.

ECONOMIC DOCUMENTS AS A SOURCE OF RESEARCH OF THE PLANNING STRUCTURE OF CITIES IN BELARUS IN XVI–XVII CENTURIES

Sergachev Serghey

Belorussian National Technical University

Research of the urban heritage of Belarus is complicated by preservation of historic city centers due to the damages during the war actions, as well as to the insufficient amount of survived graphic materials – general plans, schemes, that typically provide obvious source for the analysis of historical processes, identifying composition patterns, etc. However, economic documents - inventories and descriptions of privately owned towns, that were of common occurrence in Belarus, contain a lot of information about the town planning in XVI–XVII centuries – a little known period in the history of the Belarusian urban development.

Поступила в редакцию 3.02.2014 г.

УДК 711.424 (476)

ЧАНТУРИЯ В. А. – УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ: ДИАЛЕКТИКА СЛОВА И ДЕЛА

Чернатов В.М.

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Архитектура жилых и общественных зданий», БНТУ

Материал данной публикации посвящен творчеству В. Чантурия, которое знаменует собой наивысший расцвет, связанный с активным обращением к изучению национального архитектурно-исторического наследия Беларуси первых десятилетий послевоенного периода. Его творческий научно-исследовательский процесс протекал в тесном сотрудничестве с такими знаковыми личностями, как И.Ф. Климов, М.С. Кацер, Л.С. Абецдарский, Г.И. Барышев, Ф.В. Борисевич, С.В. Марцелев и др. Своей научно-педагогической деятельностью он предопределил важнейшие пути для республики, дал направления исследовательской деятельности по изучению отечественной культуры.

Владимир Александрович Чантурия родился 30.06.1923 г. в Баку. Окончил архитектурно-строительный факультет Азербайджанского индустриального института им Азизбекова (1942–1947). По направлению Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР был направлен в Минск для восстановления разрушенных городов Белоруссии. Начало трудовой деятельности прошло в проектно-институте «Белгоспроект». Наклонность к научно-исследовательской деятельности привело его в строительный сектор АН БССР (1948). С 1948 по 1950-е гг. – аспирант АН БССР. В 1949 г. был откомандирован в Москву в аспирантуру Академии архитектуры СССР. Его становление как ученого проходило под руководством ведущих советских зодчих А. Шусева, И. Жолтовского, В. Семенова, Н. Колли, А. Гегелло, Н. Полякова и др. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Центры городов Белоруссии». С 1954 –

1962 гг. – доцент БПИ. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию «Исследование архитектурного наследия Белоруссии». С 1968 г. – профессор. С 1969–1988 гг. – заведующий кафедры «Теория и история архитектуры» БПИ. Лауреат государственной премии БССР (1980). Награжден медалями, Грамотой Верховного Совета БССР (1985). Умер 28.11.1988 г.

Основная часть. Ученики и коллеги Владимира Александровича Чантурия могут подтвердить непосредственный диалог с этим замечательным ученым-педагогом, который часто оказывал на них решающее и неизменно позитивное воздействие. И, в этом смысле его биография, как форма непосредственного обращения к жизни человека, своей причастности к истории, дает возможность осмысления характера и принципов соотношения его как человека, мира его духовной культуры, мира им же создаваемого. По большому счету его творчество еще ждет своего осмысления в координатах нового времени.

Всю свою творческую исследовательскую деятельность Владимир Александрович посвятил изучению истории белорусского зодчества. Исследование отечественной истории белорусской